

Согласно обычаям императорского дома, на следующий день после свадьбы Бэйчжань-ванфэй Ань Чанцин должен был вместе с Сяо Чжигэ прибыть во дворец, чтобы выказать благодарность. Однако правители дворца не жаловали Сяо Чжигэ, к тому же Ань Чанцин был мужчиной-ванфэй. И хотя подобный союз устраивал все стороны, со стороны он выглядел довольно неловко. В итоге им даровали милость и освободили от обязанности прибыть с утренним визитом. По этой причине до сегодняшнего дня Ань Чанцин ни разу не переступал порог дворца.

Проводив евнуха, доставившего устный указ, Ань Чанцин заметно омрачился. В его прошлой жизни в это время дворец не призывал их на аудиенцию. После пышного торжества он больше не покидал поместье князя. Лишь накануне Нового года, когда во дворце устроили пир, он вместе с Сяо Чжигэ отправился к императорскому двору.

Правила во дворце были строгими и многочисленными. Оказавшись там, Ань Чанцин чувствовал себя абсолютно беспомощным. Опасаясь оплошать, опозориться и разгневать Сяо Чжигэ, он вел себя с крайней осторожностью, не дерзая даже оглядеться по сторонам, и провел всю новогоднюю ночь в мучительной тревоге.

Тогда вдовствующая императрица и императрица тоже призывали его к себе, но он не смел ни лишнего слова сказать, ни лишнего взгляда бросить — лишь покорно кивал и соглашался со всем. Кое-как ему удалось сгладить неловкость, но он даже не разглядел, как выглядели те женщины.

Теперь же его призывали во дворец раньше времени. Ань Чанцин беспокоился, не произошло ли нечто непредвиденное и не навлечет ли это новых бед. Но сколько бы он ни перебирал в памяти события с момента своего перерождения, он так и не смог понять, где именно допустил ошибку, заставившую императрицу вызвать его заранее.

Не найдя ответа, Ань Чанцин лишь мысленно призвал себя к бдительности. За оставшиеся два дня следовало хотя бы усвоить дворцовый этикет. В поместье князя служили матушки-наставницы, ранее выходившие из дворцовых покоев, но, поскольку среди членов семьи не было женщин, их знаниями никогда не пользовались.

Теперь же Ань Чанцин мог позвать их, чтобы расспросить о дворцовых правилах и предосторожностях.

— В этом нет нужды, — Сяо Чжигэ остановил Ань Фу, который собирался позвать матушек-наставниц, и перевел взгляд на Ань Чанцина. — Когда придет время, просто держись меня. Они не станут слишком притеснять тебя.

Ань Чанцин замешкался:

— Но... разве это не даст им повода для сплетен?

Уголок губ Сяо Чжигэ дернулся, а взгляд стал холодным:

— Чем больше на меня компромата и чем хуже моя репутация, тем они счастливее.

Ань Чанцин опешил, но, вспомнив дикие слухи, ходившие в народе, тут же всё понял.

Князь, держащий в руках огромную армию, но не имеющий никакой поддержки со стороны клана матери, не пользующийся благосклонностью императора и лишенный права на престолонаследие... Если бы он заслужил добрую славу и стал героем Да Е, его ждали бы лишь

бесчисленные явные удары и тайные стрелы.

И первым, кто не потерпел бы его, был бы восседающий на высочайшем престоле император Аньцин.

Только оставаясь дурно прославленным, жестоким и не любимым народом, он позволял императору Аньцин безбоязненно оставлять военную власть в его руках, дабы тот защищал для него северные рубежи.

Именно этого желали во дворце, именно этого добивались все фракции при дворе.

Ань Чанцин поднял взгляд на него. Мужчина сидел рядом вольно и уверенно, его спина была прямой, точно копье. Стоило ему просто молча сидеть там, как от него веяло надежностью и незыблемостью гор — казалось, никакая тяжесть не способна согнуть его.

Однако Ань Чанцин своими глазами видел его сломленным.

Спрятав чувства, он вдруг осознал одиночество бывшего императора. В прошлой жизни у того явно были шансы на победу, но он приказал командующему дворцовой гвардией открыть городские ворота; у него оставалась нить надежды на спасение, но он решил покончить с собой в одиночестве во дворце Циу... Должно быть, тогда он просто устал от всего.

Железные доспехи, длинное копье... Он в одиночку защищал земли Да Е, но был проклинаем всеми подданными, никем не понятый. Даже он сам, тот, кто должен был быть ближе всех, относился к нему как к дикому зверю, страшился и избегал. И в конце концов... он решил всё оставить.

Раз эти земли не уберечь, значит, не стоит и пытаться; раз его называют тираном, то он и станет тираном.

Раз весь мир предал его, то и он ответит миру тем же.

Пришел один — и ушел в безмолвном одиночестве.

Ань Чанцин тихо выдохнул, подавляя подступающие слезы. Он внезапно поднялся, подошел к нему, присел на корточки и мягко накрыл своими ладонями тыльную сторону его руки. Слегка запрокинув голову, он произнес:

— Но я не хочу слышать, как они говорят про тебя дурное. Ты ведь... такой хороший.

Дыхание Сяо Чжигэ перехватило. Встретившись с ним взглядом глубоких темных глаз, он долго молчал, прежде чем его кадык дернулся, и он произнес слегка хриплым голосом:

— Раз не хочешь слышать, значит, не позволяй им говорить.

Слова звучали с его привычной властью, но Ань Чанцину показалось, что даже суровое лицо мужчины стало невероятно милым. Прижавшись щекой к его колену, он потерялся о его руку:

— Угу. Так что в этот раз во дворце я должен подготовиться как следует, чтобы не опозорить тебя.

В груди Сяо Чжигэ разлилось тепло. Его пальцы слегка дрогнули, а затем неуклюже опустились на макушку юноши, мягко глядя его по темным волосам:

— Ты не опозоришь.

— Поэтому все-таки нужно позвать матушек-наставниц. По крайней мере, в основных правилах нельзя ошибиться.

Ань Чанцин поднял голову, и шелковистые пряди выскользнули из-под пальцев. Сяо Чжигэ с легким чувством утраты сжал ладонь и ответил:

— Хорошо, сделаем по-твоему.

Восьмого дня двенадцатого месяца Ань Чанцин вместе с Сяо Чжигэ отправились во дворец.

В этот день Ань Чанцин встал ни свет ни заря. Парадные одеяния для аудиенции были приготовлены заранее. Поскольку он был мужчиной, ему не требовалось наряжаться подобно женщинам, так что он лишь облачился в пышные парадные одежды.

Сяо Чжигэ также надел парадное одеяние великого князя. Узоры на нем были точно такими же, только у Сяо Чжигэ наряд был черно-красным, а у Ань Чанцина — бело-красным. Один из них был высоким и крепким, другой — стройным и утонченным. Обладая двумя совершенно разными характерами и обликами, вместе они выглядели удивительно гармонично.

Даже Ань Фу тихо вздохнул от восхищения:

— Глядя на них, князь и молодой господин действительно подходят друг другу.

Ань Чанцин сдержал улыбку, а Сяо Чжигэ бросил взгляд на Ань Фу, и хотя ничего не сказал, выражение его лица заметно смягчилось.

Закончив приготовления, они вместе вышли из дому.

На улице кружился мелкий снег. Кучер подогнал экипаж, но жаровню внутри растопили совсем недавно, поэтому в карете все еще гулял холод. Сяо Чжигэ только приподнял полог, как тут же отступил назад и велел Ван Фугую принести из сокровищницы его плащ из лисьего меха.

Плащ был сшит из редких серебристых лисиц, добытых им в Яньчжоу. Основание меха было белоснежным, а кончики — серебристо-серыми, отчего на свету ткань словно отливала серебром. Сшитый плащ долго пролежал в сокровищнице без дела, так как сам Сяо Чжигэ занимался боевыми искусствами и легко переносил холод, однако сейчас он пришелся как нельзя кстати для Ань Чанцина.

Ван Фугуй принес накидку. Сяо Чжигэ взял ее, встряхнул и заботливо накиннул на плечи Ань Чанцина.

Ань Чанцин и вправду замерз: хотя парадное одеяние было многослойным и пышным, оно совсем не грело, и его пальцы уже успели оледенеть. Лишь когда Сяо Чжигэ укутал его в плащ, пронизывающий ветер наконец отступил.

Завязав тесемки, Сяо Чжигэ произнес:

— Залезай.

Ань Чанцин улыбнулся ему и поднялся по подножке. Сяо Чжигэ сегодня не поехал верхом, решив составить ему компанию в экипаже. Укутанный в плотный лисий мех, держа ладони в теплых руках Сяо Чжигэ, Ань Чанцин ехал к дворцовым воротам в мерно покачивающейся карете.

Преодолев две подворотни, у внутренних дворцовых ворот они сошли с экипажа и пересели в паланкины. Слуги подхватили их носилки и друг за другом неспешно понесли к дворцу Куньи, где пребывала вдовствующая императрица.

Оставшись без своего «большого обогревателя», Ань Чанцин потер руки, подышал на ладони и откинул занавеску паланкина, глядя наружу.

Императорский дворец выглядел точно так же, как в его воспоминаниях, разве что пока не казался настолько мертвенным. Приближался Новый год, в палатах готовились к пиршеству, служанки и евнухи суетились, убирая и украшая территории, так что по пути то и дело встречались спешащие дворцовые слуги.

Паланкин покачивался около получаса, прежде чем достиг дворца Куньи.

Ань Чанцин сошел на землю, поправил одежду, снял лисий плащ и передал его прислуживающей служанке, после чего вместе с Сяо Чжигэ переступил порог дворца Куньи.

Внутренние покои отапливались подпольной системой печей, поэтому с порога в лицо повеяло теплым благоухающим воздухом. Ань Чанцин, не глядя по сторонам, последовал за Сяо Чжигэ и отвесил поклон.

— Подать стулья, — медленно повелела вдовствующая императрица, подняв руку, и служанки тут же принесли два стула. Усевшись, Ань Чанцин и Сяо Чжигэ наконец смогли разглядеть лица вдовствующей императрицы и императрицы.

Вдовствующей императрице было под шестьдесят, но выглядела она едва ли старше пятидесяти. Лицо её излучало доброту и кротость, на левую руку были намотаны четки из бодхи, и вся она казалась крайне приятной и доступной. Императрица восседала чуть ниже вдовствующей императрицы. Черты её лица были правильными и яркими, а стан — изящным. В этот момент она с улыбкой смотрела на Ань Чанцина:

— В прошлые дни, дабы дать вам прийти в себя после свадьбы, я не стала докучать вам вызовами во дворец. Раз уж вы прибыли сегодня, я отдам вам все приготовленные ранее подарки, а не то вы решите, будто я, ваша матушка-императрица, пристрастна и одариваю только тайцзыфэй.

Вдовствующая императрица равнодушно скользнула взглядом по Ань Чанцину и медленно перебрала четки из бодхи.

Ань Чанцин опустил глаза и подумал: «Началось».